

ВСЕРОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920-1922 ГГ.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.»

Последний этап существования бывшей Николаевской военной академии в 1920-1922 гг. представляет собой наименее известный период ее истории. С осени 1918 по осень 1919 г. академия находилась в Томске, где в начале 1919 г. был открыт младший класс ускоренных курсов 4-й очереди и подготовлена целая плеяда младших офицеров Генштаба для колчаковских войск. В связи с неудачами на фронте, чтобы избежать нового захвата большевиками, академия в октябре 1919 г. эвакуировалась из Томска во Владивосток, где и находилась вплоть до конца Гражданской войны.

8 и 10 декабря 1919 г. первые два эшелона академии прибыли во Владивосток. Через несколько дней приступили к их разгрузке и перевозке имущества в расположение 36-го Сибирского стрелкового полка на Русском острове. Казалось бы, переезд во Владивосток имел для академии благотворное значение, так как развал колчаковского Восточного фронта грозил безопасности уникального академического имущества, однако и с востока тоже шла революционная волна. Пока академия ехала во Владивосток, там 31 января 1920 г. произошел переворот, в результате которого власть перешла от генерала С.Н. Розанова к временному социалистическому правительству Приморской областной земской управы во главе с А.С. Медведевым.

Академия оказалась разделена. Третий эшелон с начальником академии генералом А.И. Андогским на несколько месяцев остался в Харбине. Нужно было в очередной раз принимать нелегкое решение, с кем быть – с колчаковцами в Харбине и Чите или со своими подчиненными во Владивостоке. Задержка в Харбине повлекла определенные материальные затруднения, вызвав недовольство и протесты низших служащих академии и рабочих академической типографии. Рабочие и служащие провели общее собрание, на котором избрали особую комиссию уполномоченных третьего эшелона в составе трех работников типографии: бухгалтера Н.А. Гущина, корректора А.К. Заколупина и фактора А.Ф. Баранулько для составления докладной записки начальнику академии по вопросу отправки во Владивосток, где уже было их имущество.

Андогский поддерживал связь с оказавшимися во Владивостоке сотрудниками и распорядился продолжать разгрузку эшелонов, что намечалось с 6-7 марта. Таким образом, он, видимо, хотел воспрепятствовать возврату эшелонов. Один из лидеров рабочих и служащих академии, Б.М. Чудинов, связался с приморскими большевиками, в т.ч. с С.Г. Лазо и добился приказа о приостановке разгрузки в связи с угрозой захвата академии японцами при невозможности ее быстрой эвакуации с Русского острова. Рабочие выступали за отправку академии в Амурскую область.

Пребывание академии во Владивостоке имело как плюсы, так и минусы. С одной стороны, на Русском острове академия могла быть удобно и сравнительно безопасно размещена. С другой стороны, положение Владивостока, в отличие от Харбина, не было стабильным, частые смены режимов не способствовали спокойной атмосфере, необходимой для академической работы и учебы. Но в целом академическое имущество сохранялось в этот период относительно успешно, а типография могла функционировать.

Командующий сухопутными и морскими силами Приморской области эсер А.А.

Краковецкий 22 марта издал распоряжение: «Приказываю весь состав Академии перевести [во] Владивосток. Неисполнение приказа будет караться по закону военного времени»¹. В итоге 30 марта последний эшелон академии прибыл во Владивосток. Владивостокские власти имели свои виды на академию. 23 марта Краковецкий приказал профессору Медведеву остановить разгрузку эшелонов академии, а неразгруженные вагоны отправить в Благовещенск с представителем академии, приготовив выгруженное имущество к отправке. Далее академию предлагалось отправить в центр Советской России.

В связи с подготовкой отправки академии в Благовещенск приказом сухопутным и морским силам Приморской области от 31 марта 1920 г. была назначена комиссия для проверки имущества академии под председательством П.С. Парфенова, в составе комиссара академии Н.П. Дагаева, Н.А. Гущина и Б.М. Чудинова. Двое последних играли определенную роль в академии в качестве неформальных лидеров ее низших служащих и антагонистов начальства.

Парадокс отношения властей к академии заключался в том, что белые обвиняли ее сотрудников во главе с Андогским в большевизме, а красные и «розовые» – в том, что они были белогвардейцами и контрреволюционерами. В этой, казалось бы, безвыходной ситуации только административные и организаторские способности Андогского и его окружения спасли академию от репрессий и разгрома. 3 апреля экстраординарный профессор академии генерал В.Г. Болдырев записал в дневнике: «Прибыли эшелоны Военной академии из Харбина. Начальник академии генерал Андогский приезжал приглашать на конференцию академии. На рукаве у него большая красная звезда. Жаловался, что политический уполномоченный при Краковецком требует немедленного отправления академии в Благовещенск, объясняет это интригами младших служащих»².

От возвращения в Советскую Россию академию спасло лишь резкое обострение военно-политической ситуации в Приморье. Приезд Андогского во Владивосток почти совпал с японским вооруженным выступлением 4-5 апреля 1920 г. В результате вопрос о эвакуации отпал. После событий 4-5 апреля русская военная власть в Приморье перешла к представителям академии. Профессор Болдырев с 7 апреля стал командующим сухопутными и морскими силами Временного правительства Дальнего Востока, а его начальником штаба 13 апреля стал штатный преподаватель академии генерал А.Т. Антонович.

Имущество академии весной-летом 1920 г. было перевезено на Русский остров. К 15 июля 1920 г. из 15 положенных по штату ординарных профессоров по списку значились 12, а налицо состояли только 5. Из 5 экстраординарных профессоров по списку было 4, а налицо только один. Из 10 штатных преподавателей по списку и налицо было трое³. Такое количество профессоров и преподавателей сохранялось и к январю 1921 г.⁴ За неимением у правительства средств академия была сокращена на 40% вольнонаемных служащих⁵. К 1 июля 1920 г. в академии имелось налицо 14 человек командно-административного состава, 9 чиновников, 3 врача (по другим данным, врач и 2 фельдшера)⁶.

Активную общественную работу вел начальник академии Андогский. 27 апреля 1920 г. он был назначен председателем комиссии при штабе командующего сухопутными и морскими силами Временного правительства Дальнего Востока для рассмотрения и разработки штатов частей, штабов, учреждений и заведений военного ведомства⁷. 4 мая Андогский оставил этот пост в связи с назначением председателем главной русско-японской согласительной комиссии, в рамках которой мог контактировать с высшим японским командованием, но уже 15 июля сдал должность. Впрочем, до 16 декабря он значился членом этой комиссии, а затем был освобожден по болезни⁸. Бывшие и дейст-

вующие сотрудники академии нашли себя на политической ниве. Преподаватели занимались научно-педагогической деятельностью.

10 июня 1920 г. Андогский написал письмо своему однокашнику по академии, учившемуся на курс старше, бывшему Генштаба генерал-майору Д.К. Лебедеву, который служил в Красной армии. В письме Андогский сообщал о готовности вывезти академию в Россию⁹. По свидетельству генерала М.А. Иностранцева, начальник академии не скрывал связей с большевистским представителем, прибывшим во Владивосток из Москвы¹⁰. Андогский также беседовал с товарищем министра иностранных дел Дальневосточной республики (ДВР) И.С. Кожевниковым по вопросу о переброске академии как центрального учреждения в Читту – столицу ДВР. Вопрос об эвакуации в Читту сохранял актуальность вплоть до мая 1921 г.¹¹, когда политическая обстановка резко переменилась. Положение академии было непростым, давало о себе знать японское засилье. В частности, в начале февраля 1921 г. японские солдаты ненадолго задержали Андогского. Как справедливо отмечал генерал Болдырев, «такие поступки, несомненно, увеличивают кадры сторонников большевиков»¹².

В конце 1920 г. в Приморье стали прибывать части белых, вытесненные из Забайкалья. Формально это была уже не армия, а люди, искавшие пристанища, но в действительности армейская структура сохранилась, хотя командование было вынуждено находиться на нелегальном положении. В результате переворота 26 мая 1921 г. во Владивостоке, совершенного силами армии, было свергнуто пробольшевистское Приморское областное управление ДВР, и к власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством С.Д. Меркулова.

В начале июня 1922 г. к власти в Приморье пришел Генштаба генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, вскоре избранный правителем Приамурского Земского Края. Для укрепления своего положения Андогский вступил во Всероссийский крестьянский союз, причем был избран членом владивостокской Городской Думы по списку Всероссийского крестьянского союза от Русского острова – пригородной части Владивостока, где размещалась академия. Затем, «объявив войну старому городскому голове при помощи всегда недовольных засельщиков, Андогский превратился в городского голову, одновременно сохраняя за собой и должность начальника академии»¹³. Городским головой Владивостока Андогский стал 5 июля 1922 г. и значился на этом посту до 20 октября.

Здесь уместно разоблачить один оскорбительный для истории отечественного Генерального штаба миф. В романе Юрия Власова «Огненный крест» Андогский был голословно обвинен в продаже библиотеки академии японцам¹⁴. На самом деле ни в документах Андогского, ни в архиве академии, оказавшемся разделенным между двумя архивами (РГВИА и РГВА), об этом сведений нет.

В комментариях В.Д. Вегмана к книге генерала Болдырева отмечено, что переговоры о продаже академической библиотеки японцам Андогский якобы вел во время своей поездки в Японию с согласия генерала Дитерихса и братьев Меркуловых, и только приход советских войск сорвал эти планы¹⁵. По другой версии, передаче ценностей академии японцам воспрепятствовали владивостокские подпольщики¹⁶. По всей видимости, эта версия намеренно распространялась для дискредитации белых.

На самом деле вся деятельность академии свидетельствует о бережном отношении к библиотеке, несмотря на тяжелые условия Гражданской войны и разрухи. В марте 1920 г. представители академии ходатайствовали о ее включении в число государственных книгохранилищ для высылки Книжной палатой печатных изданий¹⁷. Особый интерес представлял сбор изданий, выходявших с 1917 г., как наиболее редких. Библиотека академии пополнялась и в период пребывания ее на Русском острове, получая книги и журналы¹⁸. Более того, академия вносила посильный вклад в развитие науки и культуры

восточной окраины России. Некоторые книги, имевшиеся во многих экземплярах, передавались в дар библиотеке государственного Дальневосточного университета и в другие учебные заведения¹⁹. Сотрудники академии как могли боролись за сохранение бесценного академического имущества. Чтобы спасти собрания к сентябрю 1922 г. служащие академии три месяца несли ночные дежурства, охраняя библиотеку.

После вывода из Приморья японских войск, 4 октября 1922 г. началось наступление Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР) на последний очаг антибольшевистского сопротивления. Выдержав 8-14 октября ряд ожесточенных встречных боев, Земская Рать оставила 17 октября Никольск-Уссурийский. 25 октября 1922 г. во Владивосток вступили части НРА ДВР. 13 ноября 1922 г. на Дальнем Востоке была провозглашена Советская власть, а 16 ноября он был присоединен к РСФСР. Гражданская война в России завершилась.

В эмигрантских кругах муссировался слух о том, что Андогским, якобы, 23 октября 1922 г. был отдан приказ об оставлении академии на Русском острове для передачи ее в распоряжение Советской власти. На самом деле такого приказа по академии не было. Профессорско-преподавательский состав по-разному отнесся к тому, стоит ли оставаться в России или эмигрировать. Для такой фигуры, как генерал Андогский, безопаснее было уехать за границу. Как отмечалось в приказе по академии 24 октября 1922 г., отъезд Андогского был внезапным²⁰. Получалось, что он бросил академию и сбежал.

Часть персонала академии осталась на Русском острове и во Владивостоке. Среди оставшихся были заслуженные ординарные профессора Б.М. Колюбакин, Г.Г. Христиани, ординарный профессор А.И. Медведев, экстраординарный профессор В.Г. Болдырев. Медведев с 23 октября временно возглавил академию²¹. Администрация академии в приказах теперь указывалась без привычных чинов. Уже 28 октября Медведев из генерала превратился в гражданина и должен был подчиняться приказам НРА ДВР. Отношение новых властей к академии было дружественным. Главком НРА ДВР И.П. Уборевич даже передал 28 октября благодарность всему личному составу академии за сохранение имущества академии. Еще одну благодарность передал 26 октября председатель Революционного штаба²².

Телеграмма из Москвы предписывала академии 26-27 ноября выехать из Владивостока, для чего НРА должна была предоставить вагоны²³. В начале декабря 1922 г. военная академия по распоряжению новых властей отправилась в Москву, куда прибыла в феврале 1923 г. По пути в Москву в Красноярске пожилые профессора Колюбакин, Христиани и Медведев были арестованы. Не вынеся тягот, все трое вскоре скончались. Из оставшихся в СССР пережили этот период Болдырев, Коханов и Антонович.

Имущество старой академии частично было передано Военной академии РККА. В 1925 г. 180 пудов книг и 45 ящиков архивных материалов поступили на хранение в военно-исторический архив. Поэтому нельзя в полной мере согласиться с генералом П.Ф. Рябиковым, по мнению которого «старая академия Генерального штаба, пережив столько тяжелых испытаний и проделав путь Петроград – Екатеринбург – Томск – Владивосток, умерла...»²⁴. Наследие академии, ее музеи, архив (среди которого знаменитые воспоминания и дневники военного министра Д.А. Милютин), библиотека остались в России и приносят пользу сегодня.

Период 1920-1922 гг., как и предшествовавший ему, был трудным временем для академии Генерального штаба. В обстановке политической нестабильности на Дальнем Востоке и быстрых перемен обстановки академии приходилось лавировать. Руководство и сотрудники академии преследовали две главных цели – выжить между различными, нередко взаимоисключающими политическими режимами и сохранить для будущих поколений имущество академии – уникального военно-учебного заведения общероссий-

ского значения. Так или иначе, обе этих цели были достигнуты. Несмотря на частые перевороты, смены власти, иностранную интервенцию, академия уцелела, а ее личный состав имел возможность выбирать между тем, чтобы эмигрировать или остаться в России.

Примечания:

- ¹ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.
- ² Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917-1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 330.
- ³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 65. Л. 43.
- ⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 10.
- ⁵ Там же. Л. 38.
- ⁶ Офицеры и чиновники: Генерал-майор А.И. Андогский, полковник А.П. Слижиков, генерал-лейтенанты: Б.М. Колюбакин, Г.Г. Христиани, А.И. Медведев; генерал-майоры: Н.И. Коханов, В.Г. Болдырев, А.Т. Антонович, А.А. Сурнин. Полковники Н.В. Главацкий и А.К. Зиневич, подполковник К.А. Наумов, ротмистр В.Э. Аригольд, штабс-капитан А.С. Дружинин. Статские советники: Ф.А. Мартынов, Е.Л. Высогорец; коллежские советники: И.И. Гальченко, И.А. Смирнов; коллежский асессор Саук; коллежские секретари: Волков, Д.Е. Мартынов, В.Н. Цитович (генерал-майор в отставке, числившийся в академической отчетности как военный чиновник) и не имеющий чина М.Н. Чулков – РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 60об. Преданным академии работником, проводившим вместе с ней все годы Гражданской войны, был фельдшер И.Я. Ганин.
- ⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 152.
- ⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 15.
- ⁹ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 22об.
- ¹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 72. Л. 15.
- ¹² Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 413.
- ¹³ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.
- ¹⁴ Власов Ю.П. Огненный крест. М., 1992. С. 221.
- ¹⁵ Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 556.
- ¹⁶ Бушин А.Ю. Академия Генерального штаба в гражданской войне 1918-1922 гг. //Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сб. науч. трудов. Уссурийск, 2001. С. 172.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 6.
- ¹⁸ Напр.: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 165.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 19, 53, 78.
- ²⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 107.
- ²¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 75. Л. 224.
- ²² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 111.
- ²³ Там же. Л. 125.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 133.